

8 декабря 1988 г.

ЛЮДИ ИСКУССТВА

БУДЕТ

ПЕРВЫЙ фильм народного артиста РСФСР режиссера Петра Ефимовича Тодоровского «Верность» в 1965 году на фестивале в Венеции получил диплом за лучший режиссерский дебют. Режиссер был и одним из авторов сценария. Второй автор именовался неким Андреевым. Эта фамилия сопровождала прохождение сценария через множество инстанций, продержалась на титульном листе весь съемочный период, и только в титрах готового фильма появилось подлинное имя — Булат Окуджава.

Почему же создатели фильма должны были скрывать, что один из его авторов — ныне известнейший поэт, прозаик, опубликовавший к тому времени проникновенную повесть «Будь здоров, школяр!»?

Все просто. Когда запускался фильм «Верность», имя поэта и артиста-певца (пусть он триста раз отрицает это свое дарование, но оно бесспорно) в очередной раз стало опальным.

Опальными были когда-то и имена режиссера М. Хуциева и драматурга А. Володина, накрепко связанные с творческой судьбой Петра Тодоровского. Причины? Они, надеюсь, станут ясны из всего того, что я расскажу о Петре Ефимовиче.

Авторов сценария «Верность» объединило сходство военных судеб. Они «школяры», надевшие солдатские шинели на свои мальчишеские плечи. Петр Тодоровский, не окончив Саратовского пехотного училища, ушел на фронт. О нежной любви курсанта и робкой девушки тех далеких времен рассказывает фильм «Верность». Назначено первое свидание, но сигнал тревоги навсегда разлучает героя и героиню. Вот и все. Как мало для громогласной рецензии о доблести советских воинов и как много, чтобы оплакать загубленную войной зарождающуюся любовь.

Тодоровский ушел на войну в 1943 году. После пехотного училища — Первый Белорусский фронт. Польша, восточный берег Вислы (ранен), Германия, битва на Одере (ранен), взятие Берлина. В девятнадцать лет Тодоровский — командант маленького немецкого городка.

В институт кинематографии Петру Ефимовичу удалось поступить в 1949 году на операторский факультет.

Мне пришлось говорить с Марленом Хуциевым о его содружестве с Тодоровским («Венца на Заречной улице», «Два Федора»), и каждый раз он вспоминал об этом творческом союзе, как об одном из самых радостных.

А вот что рассказывает поэт Григорий Поженян, в свое время написавший сценарий кинофильма «Жажда» (режиссер Е. Ташков).

— Оператором был Петр Тодоровский. Мы часто повторяем определение: «Искусство — это мышление образами». Так вот Петр мыслит кадрами. Он очень музыкален. Пусть не звучит музыка в каком-то эпизоде, все равно он снимет его музыкально. В пластике сменяющихся кадров как бы присутствует неслышная мелодия. Он бесконечно изобретателен в поиске художественно-выразительного ракурса. Нередко это бывало сопряжено с опасностью для жизни. Петру захотелось снять снизу шагающих навстречу камере фашистов. Он прикрепил к автомобилю железный лист и на нем, грохочущем, на неровной дороге, ежесекундно рискуя попасть под колеса машины или соскользнуть с железного листа, осуществил свой замысел. И еще: Петр остро чувствует всякую фальшь и органически не может соврать в кадре. Камера в его руках абсолютно правдива.

Я верю очень искреннему поэту Г. Поженя-

ну. Петр Тодоровский был именно таким оператором и с этим своим драгоценным даром пришел в режиссуру.

Спрашиваю Петра Ефимовича, как он отважился на такой шаг? Тогда без режиссерского диплома это было почти невозможно.

— Понимаешь... не было ни взволновавшего меня сценария, ни хорошего режиссера... Хуциев уехал в Москву... Вот я и снял «Верность». Когда меня пригласили снимать фильм по сценарию А. Володина «Фокусник», я очень обрадовался, сразу забыв про все свои авторские замыслы. Володинский герой — Кукушкин мне очень близок. Я его сразу полюбил. На главную роль пригласил З. Гердта. До этого артист появлялся только в эпизодах, всегда ярких, запоминающихся. Мы оба были влюблены в сценарий. А Володин рассказал в нем о рядовом артисте иллюзионного цеха, пережившем свой «звездный час», творческий взлет. А все началось в студенческом общежитии, где фокусник выступал с концертом. Неожиданно погас свет, и артист рассказал о себе, о жизни, которую прожил, и студенты не захотели расставаться с «Загадочным индусом» (второе название сценария). С тех пор он выступал в общежитии часто и бесплатно, между ним и молодежью возник духовный контакт, который и есть главная радость в жизни артиста. А быть может, и вообще человека? Не зря ведь издревле так высоко ценилось человеческое общение. Фильм снят тонко, остроумно. З. Гердт создал трогательный образ, вызывающий глубокое сопереживание.

Теперь представьте себе, что такому фильму, главными достоинствами которого были внимание к жизни человеческого духа, призыв к чуткости, искренности, дружелюбию, уважение к ценностям нравственным, к достоинству личности, была присвоена третья категория и выпущен он был на всеююзный экран тиражом в 40 (сорок!) экземпляров! (Иные фильмы выпускались многотысячными тиражами).

В те времена царил некая нормативная эстетика. такому фильму, как «Фокусник», в таблице эстетических норм была заранее уготована графа: «мелкотемье».

От героя требовались героические поступки, а значит, экстраординарные обстоятельства, в которых их можно совершать. Металлурги в поднимаемых на щит фильмах влезали в неостывшие доменные печи, шахтеры собственными плечами подпирали рухнувшие крепления в шахтах и т. п.

Обыкновенная повседневная жизнь обывалась «бытовщиной», а если художник осмеливался показать ее трудности, печали, горести, можно было получить рецензию в центральной прессе под заголовком «Лай из подворотни», как это случилось с А. Володиным.

Тодоровский не изменил себе, несмотря на официально неприятие «Фокусника». Его следующий фильм «Городской романс» — о любви, доброте, о настоящих и мнимых ценностях — имел зрительский успех. Зиновий Гердт сыграл в нем эпизодическую роль бывшего солдата — участника фронтовой самодеятельности. В такого рода фронтовых ансамблях нередко изображался Гитлер. Так вот герой

З. Гердта говорит, что он был «лучшим «Гитлером» 2-го Белорусского фронта».

Трудно понять, почему и этот фильм раздражил высокое руководство. Может быть, из-за смерти фронтовика, роль которого сыграл З. Гердт? Очень не любило начальство печальных финалов. Не любило оно также, когда на экране показывали инфаркты, инсульты, больницы, «Скорую помощь»... Редакторы предупреждали сценаристов — только, пожалуйста, без всего этого.

Что же крамольного виделось тогдашней критике в работах таких различных по своему творческому методу, художественному темпераменту режиссеров, как М. Хуциев, П. Тодоровский, драматург А. Володин, и других художников, которых мы сегодня называем «шестидесятниками»? Ведь они никого не разоблачали, не гуляли краски до пугающей черноты. Они были искренними, они вели разговор о действительной, а не выдуманной жизни, они защищали свой нравственный идеал, незримо присутствующий в их работах.

Скорее всего именно искренность, правдивость, исповедальность и были главным «грехом» работ «шестидесятников». Потому-то многие из этих картин и дожили до наших дней. А некоторые, тогда запрещенные, снятые с полки во времена гласности, порой производят большее впечатление, чем произведения, созданные сегодня с остро обличительными намерениями.

В поисках произведения, которое могло бы выразить его нравственный идеал, Тодоровский обратился к повести Ф. Абрамова «Везотцовщина». Режиссер не раз встречался с замечательным писателем, побывал в его родных местах, и, может быть, поэтому телефильм «Своя земля» и сегодня вызывает глубокое сочувствие, говорит о самом важном, что так необходимо нашему времени. О том, как истинный, напряженный до пота труд на земле возвышает человека и как небрежение к труду растлевает душу. Все, что произошло в архангельской деревне, о которой рассказывает повесть Абрамова, доведено до высоты подлинной трагедии.

МЕСЯЦ МАЙ

В конце фильма деревенский мальчишка, впервые ощутивший достоинство человека труда, бьет в рельсу, которая звучит как набат, выражая муку, вызванную равнодушием односельчан, председателя колхоза к постоянной трудовому подвигу героя картины. «Набат» звучал до финала фильма. Первое указание руководства — снять набат. В результате осталось несколько ударов по рельсе, и все заключительные кадры набат молчал.

Это делалось не руками режиссера, отказавшегося калечить картину, так же, как и переозвучивание казавшихся начальству слишком острыми реплик на прямо противоположные. Автор повести посмотрел ленту, но в бессмысленный спор с начальством вступать отказался, сказав, что главное вытравить все же не удалось. Я согласен с писателем. Показ ленты «Своя земля» в наши дни так же, как и фильма «Фокусник», оказался бы очень своевременным, потому что главное в борьбе, развернувшейся сегодня, — человеческая душа, гуманизм, нравственные идеалы, культура чувств, о которых вдруг заговорили наши ведущие публицисты, ученые, философы. По этому поводу мне вспоминаются строки Д. Самойлова:

А гуманизм не просто термин,
К тому же, говоря, абстрактный...
О, как у нас боролись с «абстрактным» гуманизмом! А его-то, оказывается, нам и не хватало.

Режиссер П. Тодоровский — лирик. Большинство сценариев его картин написано по его же замыслам. Можно сказать, что без самовыражения для него не существует искусства. А ведь и это слово подвергалось нападкам и даже высмеиванию.

«Любимая женщина механика Гаврилова» (сценарий в содружестве с С. Бодровым, 1982 г.) и творческий пик режиссера, наиболее высокая точка его художественного самовыражения — «Военно-полевой роман» (1984 г.) — произведения, принадлежащие авторскому кинематографу.

Вспоминаю о впечатлении, которое произвел в свое время «Военно-полевой роман», невольно думаешь, как не хватает нам сегодня в ряду всевозможных обличительных фильмов именно таких лент о высоте человеческого духа, о подлинной любви, честности и героизме души.

Сюжет фильма, как и положено в психологической драме, сам по себе непосредственно не выражает сущности произведения. Поражают и волнуют сердца характеры его персонажей. Влюбленный в боевую подругу своего командира, рядовой солдат, когда-то слышавший ее звонкий незабываемый смех из командирского блиндажа, после войны вдруг слышит этот знакомый смех в Москве, где-то у ЦУМа в суровый зимний день. Она, недостижимая красавица, продает пирожки.

...Все, что происходит дальше с героями фильма, правдиво, по временам трагично, по временам смешно, но главное — человечно. На мой взгляд, именно поэтому лента П. Тодоровского — одно из немногих советских кинопроизведений, обошедшее экраны почти всех стран мира.

Умение работать с актерами. Петр Ефимович признается, что именно об этом он думал больше всего, испытывая неуверенность при встрече с артистами. Помог случай.

— Приехал я из Одессы в Москву, — рассказывает Петр Ефимович, — было это в 69-м году. Зашел в павильон к Хуциеву. А тот говорит: «Давай я тебя сниму на память для Валерки (сын Петра Ефимовича), пока ты окончательно не постарел. Надевай форму».

А я первые два институтских года ходил в военной форме, другого ничего надеть не было. В костюмерной меня облачили в лейтенантский китель... Взял я гитару, спел что-то перед камерой и уехал домой в Одессу. Через некоторое время получаю телеграмму: «Приезжайте немедленно, вы утверждены на роль старшего лейтенанта в фильме «Был месяц май». Так я на себе испытал, что значит быть артистом кинематографа. Это очень непросто. Но с таким режиссером, как Марлен Хуциев, я многое понял и многому научился. Он удивительно умеет «успокоить» «зажатого» перед камерой актера, помочь ему одним-двумя точными словами выполнить поставленную актерскую задачу. Я не люблю много разговаривающих режиссеров. Репетирую только до съемок. А на площадке с хорошим артистом нескольких нужных слов всегда достаточно.

— Как вы думаете, Петр Ефимович, чего недостает нашему кинематографу?

— Доброты. Феллини о самых жестоких временах, на которые пришлось его детство, сделал добрый фильм «Амаркорд». Моя мечта — советский «Амаркорд».

— Хотелось ли вам когда-нибудь снимать Высоцкого?

— Да. Я даже придумал сюжет комедии «Москва — Париж» и рассказал ему об этом...

От Высоцкого у Петра Ефимовича осталась на память одна магнитофонная пленка. Когда Высоцкий снимался в Одессе, он часто забегал домой к Тодоровскому. И однажды они записали несколько песен поэта и певца в сопровождении двух гитар. Представьте себе обычные аккорды Высоцкого и виртуозная, звучащая, почти, как оркестр, гитара Тодоровского. Эта пленка уникальна. Очень ценится коллекционерами. Слушая ее, я думаю о двух очень близких по творческим устремлениям дарованиях, и мне жаль, что они так и не встретились в общей работе.

— Кто из композиторов вам больше нравился, Петр Ефимович?

— Альфред Шнитке. Неожиданно, правда?

Сейчас Петр Тодоровский заканчивает работу над фильмом «Фрэнк Танья» по сценарию В. Кунина, недавно опубликованному в виде повести в журнале «Аврора» под названием «Интердевочки». Многих удивил этот неожиданный для режиссера выбор. Такая жесткая тема! Но я верю в удачу. Тодоровский, о чем бы он ни снимал, уверен, что будет «месяц май», и всегда говорит: «Я люблю своих героев».

Михаил ЛЬВОВСКИЙ.